

Трансформация сюжета о блудном сыне в повестях петровского времени

Евангельская притча о блудном сыне нашла свое художественное воплощение в многочисленных произведениях мировой литературы, и одновременно она же определила целое исследовательское направление в современном литературоведении — изучение евангельской традиции в нарратологии. И одним из первых научных трудов, в котором в историческом срезе русской литературы рассмотрена традиция притчи о блудном сыне, стал сборник статей «„Вечные“ сюжеты русской литературы („блудный сын“ и другие)»¹, изданный в 1996 г. Институтом филологии СО РАН. В сборнике представлены доклады, озвученные на конференции «Роль традиции в литературной жизни эпохи: сюжеты и мотивы», прошедшей в декабре 1995 г. и положившей начало составлению словаря сюжетов и мотивов русской литературы².

Причина, заставившая нас обратиться к рассмотрению популярного в русской литературе евангельского сюжета, обусловлена «Словарем-указателем сюжетов и мотивов русской литературы»³, составленным под редакцией Е.К. Ромодановской. Один из трех разделов первого выпуска словаря-указателя снабжен примерами текстов русской литературы, в основе которых лежит сюжетная/мотивная традиция библейских и апокрифических текстов, в число которых входит и сюжет притчи о блудном сыне⁴. «Такой выбор определен тем, что они (три основных раздела словаря-указателя. — А.Ш.) включают наиболее ранние типы сюжетов, появляющиеся в русской литературе на заре ее существования. <...> Библейские сюжеты тесно связаны прежде всего с принятием христианства, с которого начинается и собственно русская литература...»⁵ Отметим, что в качестве примеров текстов русской литературы, иллюстрирующих присутствие в них мотива притчи о блудном сыне, приводятся в основном произведения авторов XIX–XX вв.: В.Т. Нарезного, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя,

И.С. Тургенева, М.А. Булгакова, Л.М. Леонова, В.М. Шукшина и др.

Период древнерусской литературы представлен «Словом о полку Игореве» и «Комедией притчи о блудном сыне» Симеона Полоцкого. Последнее произведение — наиболее яркий и, пожалуй, единственный пример переработки в литературе до Нового времени евангельского сюжета, который до этого оставался неприкосновенен. Литература переходного времени («раннего нового времени»), как известно, начнет активно осваивать традицию притчи, при этом ее видоизменяя⁶.

Характерно, что приводимая в словаре-указателе хронология литературных текстов, ориентированных на сюжет притчи, не проиллюстрирована примерами эпохи XVIII в. Однако XVIII столетие начиная со времен Петра не стало исключением и по-своему перерабатывало архетип — сюжет о блудном сыне, предлагая его различные варианты. Можно высказать предположение, что именно авторы петровского времени впервые предпринимают попытку переработки Евангелия. Начальным же звеном процесса осмысления евангельского сюжета⁷ в литературе Нового времени, по нашему мнению, по праву можно считать повести-«гистории» первых десятилетий Петровской эпохи — «Гисторию о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли»⁸ и «Гисторию о храбром российском кавалере Александре и о любительницах его Тире и Элеоноре»⁹.

С момента обнаружения рукописи «Гистории о российском матросе Василии Кориотском»¹⁰, ее первой публикации Л.Н. Майковым в 1880 г.¹¹ и введения повести в научный оборот в отечественной науке сформировалось устойчивое представление о ней как о наиболее репрезентативном произведении Петровской эпохи. Предметом специального исследования повести находились такие вопросы, как определение западных источников повести — «Гистории о гишпанском шляхтиче Долторне» (А.Н. Пыпин¹²,

Г.А. Гуковский¹³), взаимосвязь повести с русской повествовательной традицией XVII в. и устным народным творчеством (В.Д. Кузьмина¹⁴, Г.Н. Моисеева¹⁵), вопросы сюжетопостроения и жанрового своеобразия. Итогом изучения повести в XX столетии стали выводы, позволившие трактовать ее как произведение, в котором «нашел свое отражение новый тип личности, порожденный новым временем русской истории. Его новизна более всего заметна, может быть, потому, что проявляется она на фоне достаточно хорошо ощутимых традиционных черт положительного героя фольклорных жанров и древнерусской повести»¹⁶, «это центральное, первопричинное положение категории героя, которая обуславливает и сюжет, и композицию, и стиль повести, является одним из наиболее ярких показателей нового культурно-исторического мировоззрения, принесенного в русский быт западническими реформами Петровской эпохи»¹⁷. В подобной же художественной плоскости оценивается и другая анонимная повесть — «История о храбром российском кавалере Александре и о любительницах его Тире и Элеоноре», с явно выраженным любовно-авантюрным началом.

Однако названные выше произведения могут представлять интерес еще и с точки зрения того, как авторы первой трети XVIII в. в процессе создания своих повестей трансформируют традиционную схему архетипического евангельского сюжета¹⁸, создавая разные его вариации в пределах одной историко-литературной эпохи.

Обе повести одинаково изображают начало событий: сыновья знатного дворянского происхождения (на что уже указывают как имена самих героев — Василий и Александр, так и их отцов — Иоанн и Димитрий) покидают родительский дом, получив благословение:

Во едино же время оный его сын рече отцу своему: «Государь мой батюшко! Прошу у тебя родительского благословения, изволь меня отпустить в службу...»¹⁹

Егда александръ умеренную силу себе позналъ идвонадесятный возрастъ приспе... пришел ко отцу своему дмитрию и просил сице: «...взял намерение вначале благословение и к путешествованию позволения увас испросити». <...> Егда александръ благословение и позволение получилъ, исполнился великой радости, повеле седлати коней... от дому отиде²⁰.

Как видим, традиционной для притчи сюжетной завязки разрыва связи героя с родом

не происходит. Василий и Александр покидают дом, получив благословение, и поступают в этой ситуации как воспитанные отроки своего времени, достойные славы своих отцов.

В Российских Европиях некоторый живяше дворянин, имяше имя ему Иоанн, по малой фамилии Кориотский. Имел у себя сына Василия, лицом зело прекрасна (Василий Кориотский, 50).

Вроссиі, встолничномъ граде москве, был неки знатный дворянинъ, именовъ димитри, добронравиемъ, смелством, храбростию и удививством зело украшенъ и ко всякому добродетелю весьма был рачителен и бедных призираю, за что ему всемогущи богъ даровал сына лепобобразна юношу, которому равное красоте его имя дадеся александръ (Александр, 416).

Отметим, что в обоих случаях авторы анонимных повестей талантливо используют в художественных целях смысловые оттенки имен главных героев: имя Василий (др.-греч. *Βασίλειος* — «басилиос» — «царский, царственный») уже изначально определяет судьбу героя — в будущем правителя Флоренции. В этом случае при имеющихся сюжетных несоответствиях в повести²¹ Василий ни разу не нарушил тех заветов, которые он получил в доме отца, одним из которых является почитание старших. Как известно, эта же евангельская заповедь, равно как и другие, будет включена и в «Юности честное зерцало»: «Въ первыхъ наипаче всего должны дѣти отца и мать в великой чести содержать»²². Василий на протяжении всего своего пути остается верным полученному благословию отца, не отступает от него, что в итоге и гарантирует ему торжество в любой сложной жизненной ситуации. Однако, оказываясь в вихре судьбы и при этом теряя все, что ранее было получено, герой обретает большее, при этом сохраняя и не растрчивая свои добродетельные качества. «Любой поворот в биографии Василия... приводит гражданина „Российских Европий“ к самому высокому положению, возможному в данной ситуации. <...> Все сюжетные эпизоды повести... выстроены по принципу контраста, перепада жизненных ситуаций от счастья к несчастью, от бедности к благополучию, в которых лучше всего могут проявиться личные достоинства и свойства характера»²³.

Имя героя «Истории о храбром российском кавалере Александре» (др.-греч. *Ἀλέξανδρος*) не может не вызвать ассоциации с Александром Македонским, известным рус-

скому читателю по переводному греческому роману «Александрия» (XII–XIII вв.), подкрепляемые и сюжетными совпадениями в повествовании о жизни героев. (Как один пример совпадения — внезапная смерть героев в финале, обрывающая их жизнь в зените славы.)

Таким образом, зачины двух «гисторий», на первый взгляд соответствующие начальной фазе сюжета притчи о блудном сыне, на самом деле уже позволяют говорить о трансформации традиции евангельского текста. Уход сына из дома не вызывает авторского осуждения, не осмысливается как совершение ошибочного поступка с греховой коннотацией в своей основе. Перед нами образ уже идеального молодого человека Петровской эпохи, соответствующий секуляризованным моральным заповедям, изложенным в «завете» времени Петра I — «Юности честное зерцало, или Показания к житейскому обхождению, собранное от разных авторов» (1717).

Влияние идей памятника в этом случае нельзя недооценивать. По сути, именно данный текст замещает собою евангельский, определяя характер мыслей, речей и поступков героев. И Василий, и Александр уже в начале ведут себя согласно дидактическим наставлениям, и их желание покинуть дом отца в контексте исторической эпохи Петра I вполне закономерно и не может быть осуждаемо.

Государь мой батюшко! Прошу у тебя родительского благословения, изволь меня отпустить в службу... (Василий Кориотский, 50).

Знаю, государи, что горячность ютческая любовь ваша кразлуке конечно совѣтоват(ь) nebudeť, однакожь покорнейши прошу, учините мя равно сподобными мне: ибо чрез удержание свое можете мне вечное поношение учинити, — икакo могу назваться ичем похваюсь? нетокмо похвалитися, ноидворяниномъ назваться небуду достоин! сотворите милость, недопустите довечного позору! (Александр, 416).

Единственное место, где можно заметить сохранение традиции евангельской притчи в «Гистории о российском дворянине Александре», это сцена прощания родителей со своим отроком, который вместе с благословением получает и

2 кольца золотые здрагоценными камени подзапрещениемъ, ежебы недля какоі страсти никому не отдават(ь) (Александр, 417).

Данный фрагмент может быть прочитан как смысловая цитата притчи о блудном сыне:

Отче! дай мне следующую мне часть имения. <...> По прошествии немногих дней младший сын, собрав все, пошел в дальнюю сторону и там расточил имение свое, живя распутно (Лк. 15: 12–13)²⁴.

Александр впоследствии так же, как и герой притчи, нарушает родительский завет, предаваясь в городе Лиле веселию и растрачивая наследство («жил долгое время в великих забавах») (Александр, 417)). Правда, в варианте «гистории» данный эпизод претерпевает изменение благодаря привнесению в повесть любовно-авантюрного начала: Александр, прельщенный красотой пасторской дочери Элеоноры, отдает кольцо, обещая ей верность в любви:

Азже необретохъ крепчайшаго обязательства, кроме зде положенного кольца, которое мне назнать памяти отродителей моих дано подтяжким запрещением, ежебъ того доразлучения тела моего здушею нидля какоі страсти неотдавать. Ивы сие кольцо примите, істолко храните, сколко я вам надобен... (Александр, 422).

Другой фазой архетипического сюжета о блудном сыне является пребывание героя в чужом мире и растрата им полученного наследства отца. Как известно, восприятие и оценка иного мира, противопоставленного миру родного дома, в художественной традиции неизменно несет в себе значение испытания героя, сопряженного с возможной потерей или гибелью. Для обеих повестей характерно расширение европейского пространства (Франция, Голландия, Англия, Австрия, Египет — это те топосы, в пределах которых происходят события «гисторий»). В евангельской традиции пребывание героя притчи в чужом мире приводит его к физическому и духовному оскудению, что подтверждается сценой вкушения пищи вместе со свиньями («и он рад был наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему») (Лк. 15: 16)). Однако герой должен пройти это испытание, поскольку оно дает ему возможность осмыслить свой грех и раскаяться в нем.

Повести петровского времени впервые в истории русской литературы изображают инокультурный мир Европы без отрицательной оценочности. Характерно, что и сама Россия, именуемая теперь «Российские Европии», в этом контексте также осмыслена уже как часть Европы. Поэтому в анонимных повестях переход героя из одного пространства в другое не может вызывать каких-либо нега-

тивных оценок его поступка со стороны автора. В этом конкретном случае повести петровского времени как нельзя лучше иллюстрируют появление и утверждение новой идеологии, в основе которой лежит и новая знаковая система с новым оценочным наполнением. «„Отрицательные“ культурные поступки Петра I в своем большинстве преследуют одну цель — изменить оценочный смысл тех или других значимых для национального сознания явлений, т.е. культурных знаков. <...> ...Предпринимается жесткая попытка сменить отрицательную оценку положительной»²⁵. Поэтому изменение старой евангельской аксиологии становится особо заметно в обоих случаях в тех сюжетных эпизодах повестей, где Василий и Александр странствуют по Европе. В сюжетной схеме притчи о блудном сыне это третья условно выделяемая фаза повествования. Однако «блудные сыновья» петровского времени, оказавшись в чужом мире, не стремятся к тому, чтобы его покинуть. Наоборот, чужая страна не вызывает какого-либо ощущения ее чуждости для героя. Так, например, Василий Кориотский, оказавшись в Голландии, поступает на службу к купцу, который замещает собой образ реального отца, оказывает русскому моряку покровительство и «и зело возлюбил ево». В повести о кавалере Александре герой также более чем доволен тем миром, в который попадает по своей воле и страстному желанию.

Икакъ вблизиости достигъ іюко его зрети красоту града оного допустило, товсемъ сердцемъ возрадовался, якобы что ісвое получил. ...іжил долгое время ввеликихъ забавахъ такъ, что живущее вооном граде лилле, красоту лица іостроту ума его усмотря, между всеми приезжими ковалеры первинствомъ почтили (Александр, 417).

В данном случае нельзя не увидеть здесь инверсии евангельской традиции, ее переворачивания.

Когда же он прожил всё, настал великий голод в той стране, и он начал нуждаться; и пошел, пристал к одному из жителей страны той, а тот послал его на поля свои пасти свиней; и он рад был наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему (Лк. 15: 14–16).

Отрицательная оценочность последствий поступка, совершенного героем притчи, заменяется положительной коннотацией в повестях-«историях». Объяснение подобной трансформации архетипической евангельской

сюжетной схемы следующее: та картина мира, которая создавалась в литературе начала XVIII в., включает в себе уже государственную идею и высшей ценностью для человека становится идея самого государства, заменившего собой образ Небесного Отца, к которому и припадает блудный сын в финале притчи, прося у Него прощения.

Сын же сказал ему: Отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостоин называться сыном твоим (Лк. 15: 21).

Авторы Петровской эпохи радикально переосмысливают евангельскую историю о блудном сыне и в художественном повествовании создают новый образ героя своего времени, способного найти в себе силы бросить вызов судьбе и не жалеть о совершенном поступке — бегстве из родительского дома. В этом случае герои повестей петровского времени с художественной стороны максимально точно могут быть названы прототипами исторических персонажей эпохи первой трети XVIII в. — сыновей своего времени, совершивших бегство из дома и вернувшихся в него, но уже без покаяния — финального эпизода евангельской притчи. Как пример такого «блудного сына» эпохи может быть назван М.В. Ломоносов, чья биография также прочитывается как роман, в котором происходит трансформация традиционного сюжета притчи.

Нарушение сюжетной схемы евангельской притчи наблюдается и в рассматриваемых нами повестях. Наиболее заметно отступление от традиции и одновременно ее усложнение в финале «Истории о храбром российском кавалере Александре», когда создается ситуация замещения погибшего героя (Александра) другим (Владимиром), который и принимает на себя функции возвратившегося «блудного сына» в дом отца:

...во отечество свое благополучно доіде; александровым же родите(ле)м несчастье ево объявил, которые, по многим рыданием и плача владимера, вместо александра, наследником учинил(и) (Александр, 460).

Финал другой повести — «Истории о Василии Кориотском» одновременно предстает как в традиции средневековой поэтики, так и несет в себе черты нового. С одной стороны, событийный ряд финала повести укладывается в привычную формулу: автор завершает повествование описанием женитьбы Васи-

лия на Ираклии, благословением этого брака в церкви.

Король флоренский дочь свою, прекрасную королевну Ираклию, отпусти с Василием к законному браку к кирке. И венчались в той кирке... (Василий Кориотский, 58).

Последовавший за этим событием пир («и было великое веселие во всей Флоренции три недели») соответствует евангельскому символу пира в притче о блудном сыне:

А отец сказал рабам своим: принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги; и приведите откормленного теленка, и заколите; станем есть и веселиться! ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся. И начали веселиться (Лк. 15: 22–24).

Однако здесь же происходит семантическое усложнение традиционной схемы притчи. Герой не просто обретает большее и восстанавливает свое имя, пройдя испытания лишением, бедностью, но в итоге сам становится «Отцом Отечества» — королем Флоренции («Василий спустя время... после короля Флоренского был королем Флоренским»), в руках которого теперь находятся судьбы его подданных, и он вправе вершить над ними суд, как его предшественник — отец Ираклии.

Василий повеле адмирала пред войском царским вывезть и с живого кожу снять, а генералу царскому король флоренский и Василий даша великие дары и всему войску царскому жалованье (Василий Кориотский, 58).

Таким образом, проведенное исследование на основе двух анонимных повестей петровского времени (энциклопедичных по своей художественной природе) с целью выявления в них традиции архетипического сюжета евангельской притчи подтверждает ранее сделанные выводы: многие древние сюжеты, к числу которых принадлежит и сюжет «блудный сын», способны видоизменяться в зависимости от эстетических представлений определенной исторической эпохи, и XVIII в. (его первые десятилетия) в этой ситуации не стал исключением.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Вечные» сюжеты русской литературы: («блудный сын» и другие) / Под ред. Е.К. Ромодановской, В.И. Тюпы. Новосибирск: Ин-т филологии СО РАН, 1996.

² Материалы к Словарю сюжетов и мотивов русской литературы: Сюжет и мотив в контексте традиции / Под ред. Е.К. Ромодановской. Новосибирск: Ин-т филологии СО РАН, 1998. Вып. 2.

³ Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы: Экспериментальное издание. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. Вып. 1.

⁴ Там же. С. 25–26.

⁵ Ромодановская Е.К. О структуре и принципах построения «Словаря-указателя сюжетов и мотивов русской литературы» // Словарь-указатель сюжетов... С. 11.

⁶ Шунков А.В. «Повесть о Горе-Злочастии» и традиция средневековой литературы // Проблемы литературных жанров: Материалы VIII науч. межвузовской конф. 17–19 октября 1995 г. Томск, 1996. Ч. 1. С. 13–15 (переработанный материал опубликованных тезисов доклада представлен в работе: Шунков А.В. «Родовое» и «индивидуальное» в «Повести о Горе-Злочастии» // Религиозность в России: социально-гуманитарные аспекты исследования: Материалы всерос. науч.-практ. конф. Кемерово, 24–25 ноября 2003 г. Кемерово, 2004. С. 211–217); Хлызова И.Ю. Жанровая дестабилизация притчи о блудном сыне в древнерусских повестях XVII века и пушкинских «Повестях Белкина» // Мировая культура XVII–XVIII веков как метатекст: дискурсы, жанры, стили: Материалы междунар. науч. симпоз. «Восьмые Лафонтеновские чтения». Сер. «Symposium», вып. 26. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 162–165.

⁷ «Во множестве произведений мировой литературы мы встречаемся как с сюжетом блудного сына, явно или (чаще) не явно, воспроизводящим событийную канву притчи из Евангелия от Луки, так и с мотивом блудного сына, актуализирующим ту же притчу в читательском сознании без воспроизведения ее сюжета в тексте» (Тюпа В.И., Ромодановская Е.К. Словарь мотивов как научная проблема // Материалы к Словарю сюжетов и мотивов русской литературы: от сюжета к мотиву / Под ред. В.И. Тюпы. Новосибирск, 1996. С. 5).

⁸ История о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли // Русская литература XVIII века / Сост. Г.П. Макогоненко. Л., 1970. С. 50–58.

⁹ Моисеева Г.Н. Русские повести первой трети XVIII века. М.; Л., 1965; История о российском дворянине Александре // Бухаркин П.Е. История русской литературы XVIII века. Петровская эпоха. СПб., 2009. С. 416–460.

¹⁰ В.Д. Кузьмина указывала, что «История...» дошла до нас в 3-х списках XVIII в. (Кузьмина В.Д. Повести Петровского времени // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1941–1956. Т. 3: Литература XVIII века. Ч. 1. 1941. С. 119).

¹¹ Майков Л.Н. Неизвестная русская повесть петровского времени. СПб., 1880.

¹² *Пытин А.Н.* Из истории народной повести. «Гистория о гишпанском шляхтиче Долторне» как вероятный источник повести о российском матросе Василии. СПб.: Типогр. В. Балашева, 1887.

¹³ *Гуковский Г.А.* Хрестоматия по русской литературе XVIII века: Для высш. пед. учеб. заведений. М.: Учпедгиз, 1935. (2-е изд. в 1937 г.; 3-е изд. в 1938 г.).

¹⁴ *Кузьмина В.Д.* Повести Петровского времени.

¹⁵ *Моисеева Г.Н.* Гистория о российском матросе Василии Кириацком. (К вопросу о составе и происхождении повести) // ТОДРЛ. Т. 10. М.; Л., 1954. С. 358–389. Согласно исследованиям В.Д. Кузьминой повесть сохранилась в 12 списках XVIII века (см.: *Кузьмина В.Д.* Повести Петровского времени. С. 125). Однако позволим себе назвать еще один список 80-х годов XVIII в. данной повести, хранящийся в отделе рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета (шифр В-24.781). На данный список наше внимание обратила В.А. Есипова, зав. сектором отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки ТГУ.

¹⁶ *Лебедева О.Б.* История русской литературы XVIII века. М., 2000. С. 26.

¹⁷ Там же. С. 28.

¹⁸ Сюжетная схема евангельской притчи о блудном сыне (Лк. 15: 11–32) подробно в свое время была описана в статьях, опубликованных в серийном издании «Материалы к словарю сюже-

тов и мотивов...», а также в «Словаре-указателе сюжетов и мотивов русской литературы» (см.: Словарь-указатель сюжетов... Вып. 1. С. 25). Сюжетная схема притчи состоит из четырех основных фаз: уход из родительского дома — несправедная жизнь, растрата наследства, потеря человеческого облика — возвращение в отчий дом, раскаяние — радость отца и пир.

¹⁹ Гистория о российском матросе Василии Кориотском... С. 50. Далее ссылки на это издание в тексте (Василий Кориотский, [номер страницы]).

²⁰ История о российском дворянине Александре. С. 416–417. Далее ссылки на это издание в тексте (Александр, [номер страницы]).

²¹ Так, например, попав в Вену с королевной Ираклией, Василий забывает о своем отце, о котором постоянно помнил до этого сюжетного момента. См. об этом: *Бухаркин П.Е.* История русской литературы XVIII века. С. 114.

²² Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению. Собранное от разных авторов. СПб., 1717. С. 1.

²³ *Лебедева О.Б.* История русской литературы XVIII века. С. 25–26.

²⁴ См. также: *Калинович М.Я.* «Повесть об Александре, российском дворянине» и «Повесть о Петре Златых Ключей» // Филологический сборник. Киев, 1956. № 8. С. 192–194.

²⁵ *Бухаркин П.Е.* История русской литературы XVIII века. С. 45.